

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Авдашкин А. А. Мигранты из Китая и Вьетнама на Южном Урале (1991—2014 годы) / А. А. Авдашкин, Е. И. Салганова, А. А. Пасс // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 352—368. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368.

Avdashkin, A. A., Salganova, E. I., Pass, A. A. (2024). Migrants from China and Vietnam in South Ural Region (1991–2014). *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 352-368. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мигранты из Китая и Вьетнама на Южном Урале (1991—2014 годы)

Авдашкин Андрей Александрович¹

orcid.org/0000-0001-8169-2755

кандидат исторических наук,
лаборатория миграционных исследований,
корреспондирующий автор
adrianmaricka@mail.ru

Салганова Елена Ивановна¹

orcid.org/0000-0002-1549-8425

кандидат социологических наук,
кафедра социологии
salganovaei@susu.ru

Пасс Андрей Аркадьевич²

orcid.org/0000-0002-5904-0643

доктор исторических наук,
кафедра политических наук
и международных отношений
pass_andrey@mail.ru

¹Южно-Уральский государственный
университет
(Челябинск, Россия)

²Челябинский государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-10211
<https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

Migrants from China and Vietnam in South Ural Region (1991–2014)

Andrey A. Avdashkin¹

orcid.org/0000-0001-8169-2755

PhD of History,
Laboratory of Migration Studies,
Corresponding author
adrianmaricka@mail.ru

Elena I. Salganova¹

orcid.org/0000-0002-1549-8425

PhD of Sociology,
Department of Sociology
salganovaei@susu.ru

Andrey A. Pass²

orcid.org/0000-0002-5904-0643

Doctor of History,
Department of Political Science,
and International Relations
pass_andrey@mail.ru

¹South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

²Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-10211
<https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

© Авдашкин А. А., Салганова Е. И., Пасс А. А., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме формирования сообществ китайских и вьетнамских мигрантов в крупных городах Южного Урала в постсоветский период. Внимание авторов сфокусировано на Челябинске и Магнитогорске, поскольку в этих городах продолжительное время функционировали китайский (в Челябинске) и вьетнамский (в случае Магнитогорска) рынки. Источниковую базу рукописи составляют архивные материалы Государственного архива Российской Федерации, Объединенного государственного архива Челябинской области, а также тексты региональной периодики. Методологически авторский коллектив опирался на теорию мобильности, концепцию о праве на город. Привлечение указанных выше источников позволило проследить, как менялась миграция из стран Юго-Восточной Азии на Южный Урал, как мигранты адаптировались под изменения ситуации в стране и осваивали новые социальные ниши, проявляли гибкость в модернизации и переориентации своей инфраструктуры, переходя от преимущественно рыночной торговли в сферу сельского хозяйства и т. д. На сегодняшний день китайские и вьетнамские мигранты не являются многочисленными, но институции, заложенные представителями первой волны постсоветской миграции, продолжают функционировать.

Ключевые слова:

миграция; китайские мигранты; постсоветский город; китайский рынок; Челябинск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the formation of Chinese and Vietnamese migrant communities in major cities of the South Ural region during the post-Soviet period. The authors focus on Chelyabinsk and Magnitogorsk, as these cities have hosted functioning Chinese (in Chelyabinsk) and Vietnamese (in Magnitogorsk) markets for an extended period. The manuscript's source base consists of archival materials from the State Archive of the Russian Federation, the Unified State Archive of Chelyabinsk Region, as well as texts from regional periodicals. Methodologically, the authors draw upon mobility theory and the concept of the right to the city. By utilizing these sources, the study traces how migration from Southeast Asian countries to the South Ural region evolved, how migrants adapted to changes in the national context, and how they navigated new social niches, demonstrating flexibility in modernizing and reorienting their infrastructure — from predominantly market-based trading to agriculture, among other sectors. Although Chinese and Vietnamese migrants are not numerous today, the institutions established by the first wave of post-Soviet migration continue to operate.

Key words:

migration; Chinese migrants; post-Soviet city; Chinese market; Chelyabinsk.

УДК 94(470.55)“1991/2014”+94(=581)+94(=612.91)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Мигранты из Китая и Вьетнама на Южном Урале (1991—2014 годы)

© Авдашкин А. А., Салганова Е. И., Пасс А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Новейшая история миграции из стран Азии в Россию является важной исследовательской проблемой для историков и представителей смежных гуманитарных дисциплин. Однако в историографии за редким исключением преобладает макроподход, что оставляет без внимания региональные и локальные ракурсы проблемы, см.: [Мукомель, 2005]. Представленная статья посвящена миграции из Китая и Вьетнама на Южный Урал после распада СССР. Внимание авторов фокусируется на следующих сюжетах: динамика численности китайских и вьетнамских мигрантов, основные сферы занятости и создание ими своих специфических институций.

Выбор Челябинска и Магнитогорска в качестве основных единиц анализа обусловлен тем, что они входят в число крупнейших населенных пунктов в регионе, где складывались заметные для принимающей стороны сообщества мигрантов из Китая и Вьетнама. До настоящего времени в той или иной форме в этих населенных пунктах действуют крупные рыночные комплексы, маркированные горожанами в этнических терминах (*китайский и вьетнамский рынки*). Хронологические рамки предпринятого обзора охватывают период 1991—2014 годов. Нижняя граница обусловлена распадом СССР и началом масштабных трансграничных перемещений на территорию России. Верхняя обусловлена тем, что из-за колебаний курсов национальных валют в 2014 году миграция китайских граждан для работы в сельскохозяйственном секторе на Южном Урале утратила привлекательность, приводя к запустению когда-то значительных по своим площадям китайских теплиц.

Новейшая история миграций из стран Азии активно изучается историками и представителями ряда смежных областей научного знания. На сегодняшний день вышел ряд фундаментальных обзоров, посвященных китайской миграции как на общероссийском уровне [Ларин, 2009; Степанов, 2018], так и на уровне уральского региона [Каменских, 2011]. Однако проблема, затронутая в представленной статье, пока все же не получила широкого освещения в территориальных рамках Урала. Определенное раз-

витие в историографии китайской миграции получили изыскания в русле исторической урбанистики, в основном на примере сибирских городов или Москвы. Внимание авторов привлекли изменения постсоветских городов под влиянием китайской миграции, в частности формирование «китайских» рынков, поскольку последние не только служили важными логистическими центрами, но и воплощали в себе, с точки зрения принимающей стороны, зарождающиеся на российской территории чайна-тауны, более подробно см.: [Дятлов, 2008б; Дятлов, 2020; Малахов, 2020]. Однако в скором времени выяснилось, что постсоветские миграции не привели к созданию крупных очагов концентрации мигрантов из КНР. Последние уезжали столь же быстро, как и появлялись, в последнее десятилетие значительно изменился коллективный портрет китайских мигрантов и сферы их занятости [Григоричев, 2020], эволюционировали или прекращали функционировать институты, созданные для пребывания, преимущественно временного, в российских мегаполисах [Ларин, 2017, с. 67; Авдашкин, 2023, с. 229]. Хотя показатели вьетнамской миграции после распада СССР были значительно меньше китайской, миграционным связям между Россией и Вьетнамом уже посвящен заметный пласт литературы. Показаны основные факторы постсоветских миграций из Вьетнама, охарактеризованы размещение мигрантов в российских регионах и сферы занятости [Соколов, 2016; Вьетнамская диаспора ..., 2022].

Несмотря на то, что современное влияние миграции на городское пространство хорошо изучено, возникает все больше новых вопросов, связанных с присутствием иноэтничных мигрантов в историческом измерении. Кроме того, большинство аналогичных исследовательских проектов реализовывались в рамках столичных городов — Москва, Санкт-Петербург [Ивлева, 2010; Баранова и др., 2020; Мигранты ..., 2021] — и некоторых региональных столиц Сибири — Томск, Иркутск [Дятлов, 2008а; Григоричев и др., 2017; Нам, 2015]. Исследования такого плана на уральском материале пока малочисленны, поэтому подготовленная статья призвана заполнить выявленные лакуны и способствовать дальнейшей «регионализации» изучаемой проблемы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основу источниковой базы составили архивные документы по теме китайской и вьетнамской миграции, выявленные в Объединенном государственном архиве Челябинской области [ОГАЧО] и Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ]. Данные о китайской и вьетнамской трудовой миграции, связанной со сферой торговли и предпринимательства, почерпнуты автором в фонде Федеральной миграционной службы [ГАРФ,

ф. 10349]. Существенную пользу в реконструкции картины китайской миграции на региональном уровне принесло изучение документов архива Челябинской области, в частности, фондов миграционной службы [ОГАЧО, ф. Р-705], управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области [ОГАЧО, ф. Р-1879] и Комитета по внешним связям и внешнеэкономической деятельности [ОГАЧО, ф. Р-1404]. Обращение к ним позволило почерпнуть официальную статистику по трудовой миграции граждан КНР, выявить основные районы, где работали китайцы и вьетнамцы, увидеть позицию региональных органов власти по отношению к приезжим из Азии. Важную роль играли материалы региональной периодической печати («Челябинский рабочий», «Вечерний Челябинск»), содержащие событийный контекст китайской миграции, названы городские и сельские локации, где она была представлена в 1990-х — начале 2000-х годов и т. д.

Концептуальные рамки статьи образуют идеи о праве на город [Lefebvre, 2000] и теория мобильности [Hannam et al., 2006]. Первая позволяет описать конкуренцию за символическую власть над городским пространством. В рассматриваемых случаях речь идет о локациях, которые рассматриваются жителями как «китайские» или «вьетнамские». Идеи об отторжении пространства дают возможность понять, как появление различных групп китайских мигрантов приводило к утрате принимающей стороной (по крайней мере, в ее собственном представлении) прав на определение функций городского пространства. Вторая фокусирует внимание на том, что для появления стабильно функционирующей и разветвленной инфраструктуры мигрантов необходимо их продолжительное пребывание в стране. Однако китайцы и вьетнамцы, находясь в постоянном движении и меняя сферы занятости, образуют группу преимущественно временных мигрантов, см.: [Ларин, 2017].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Китайская и вьетнамская миграция в 1990-е годы: челноки и рыночная торговля

В 1990-е годы плачевное состояние российской экономики сдерживало темпы международной трудовой миграции. На этом этапе ее основу формировали преимущественно граждане Украины и Молдовы, выходцы из Центральной Азии на их фоне долгое время оставались сравнительно малочисленными. В то же время бурное развитие рынка потребительских товаров, преимущественно в сегменте эконом-класса, потребность наладить стабильные сети поставок делали Россию весьма привлекательной для торговой или челночной миграции, в том числе из таких азиатских

стран как Китай и Вьетнам. Сложились торговые сообщества граждан этих государств и в рассматриваемых авторами территориальных рамках.

Данные, обнаруженные в фонде миграционной службы, говорят о том, что в Челябинской области в 1990-е годы официально работало от 1 тыс. до 1,5 тыс. граждан КНР. Основными сферами их занятости являлись строительство и сельское хозяйство (подсчитано авторами по: [ОГАЧО, ф. Р-705, оп. 1, д. 12, 23, 33, 47, 59, 75, 80]). При этом занятость мигрантов носила «гибкий» характер. В частности, в ходе специальных проверок выяснялось, что, числясь официально строителями или работниками сельскохозяйственных предприятий, многие китайцы фактически торговали на местных рынках [Шанхаю жить по закону..., 1994, с. 1].

Китайские рынки долгое время являлись одним из наиболее ярких и узнаваемых воплощений присутствия китайских мигрантов в российском городе, превратившись в локацию, оспариваемую «другими» у местных жителей. Это связано, с одной стороны, с их очевидной «инаковостью», выражавшейся во внешнем облике, языке, стилизации окружающей обстановки посредством иероглифов, сочетания желтого и красного цветов в оформлении и др. С другой стороны, обсуждение в прессе «засилья» китайских мигрантов и перспектив скорого появления китайских кварталов хорошо укладывалось в популярные алармистские дискурсы тех лет, см.: [Дятлов, 2008б; Рыжова, 2008]. В Челябинске и Магнитогорске в 1990-е годы сложились торговые площади, маркированные населением в качестве «этнических» или «мигрантских». Что характерно: в Челябинске рынок маркировали как «китайский», а в Магнитогорске — в большей степени как «вьетнамский» (во всяком случае, до пандемии коронавируса). Об этом свидетельствуют пресса тех лет и материалы интервью с местными жителями.

Первые сведения о появлении заметного количества китайских челноков в Челябинске зафиксированы после того, как глава Калининского района Челябинска съездил в командировку в Харбин в 1992 году и установил там прочные деловые связи с представителями китайского бизнеса в провинции Хэйлунцзян [Из Китая — с сахаром..., 1992, с. 1]. Частные торговцы преимущественно занимали территорию одного из крупных рынков, расположенного в Калининском районе Челябинска, — «Заречного» рынка. В повседневном обиходе жителей прилегающая к нему территория обозначалась как «Китайка» или «Китайский» рынок, а окрестные улицы назывались *китайским кварталом* или *местом будущего чайна-тауна* [Селябинска осень харасо..., 1994, с. 1—3].

Прошения о предоставлении вида на жительство для граждан КНР и Вьетнама содержали адреса, где они проживали. Авторами установлено, что практически все эти локации находились поблизости от крупных

рыночных комплексов в Челябинске и Магнитогорске [ОГАЧО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 104, л. 19, 26—31, 38—41, 46—47, 54—55]. Более того, в нескольких случаях опрос старожилов указанных домов показал, что по данным адресам когда-то находились небольшие мигрантские общежития («резиновые квартиры»), склады с товаром, кухни для приготовления блюд, поставлявшихся в «китайские» кафе и т. д. Так, на улицах Кирова и Каслинской в Челябинске, примыкавших к территории Китайского рынка 1990-х годов, установлено не менее трех десятков таких квартир.

Рынок и ближайшая к нему застройка обрастали целой сетью институций, направленных как на мигрантов, так и на местных жителей. Это услуги перевозчиков, оформление и изготовление документов [Фальшивые паспорта ..., 1996, с. 1], подпольный обмен и хранение наличных денег, аренда жилья и складских помещений, кафе этнической, в данном случае китайской кухни. Эти объекты могли концентрироваться не только в пределах рынков. Свыше десятка гостиниц и общежитий в Челябинске, где проживали китайцы, находилось на определенном удалении от торговых площадок.

Много споров и оживленных дискуссий вызвал вопрос о численности китайских мигрантов, в том числе занятых в рыночной торговле. Местная пресса называла пугающие цифры, упоминая несколько десятков тысяч китайцев [Селябинска осень харасо..., 1994, с. 1], что, конечно, имело мало общего с реальностью. Практически все репортажи с китайского рынка в заметках «Челябинского рабочего» или «Вечернего Челябинска» сводились к описанию «антисанитарии, криминала и тотального беззакония» [Китайцы просыпаются рано..., 1993, с. 1; Мафия из Поднебесной..., 1997, с. 1; Чيو-Чию-Сан ..., 1998, с. 4].

Непростой период 1990-х годов характеризуется ростом международной миграции и в сельскохозяйственный сектор. Исключением не были и регионы Южного Урала. Первые группы китайских овощеводов прибыли в Челябинскую область в начале 1990-х годов при посредничестве китайской фирмы «Хуаси». По оценкам областной администрации привлечение китайских рабочих позволяло сократить издержки при выращивании овощей в 2,6 раза в сравнении со случаями, когда набиралась местная рабочая сила [ОГАЧО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 28, л. 6]. Однако на этом этапе именно розничные рынки, расположенные в крупных городах, рассматривались как источник быстрых и ощутимых заработков для граждан КНР и Вьетнама.

3.2. Китайские и вьетнамские рынки в условиях усиления государственного контроля в сфере миграции (2000—2008 годы)

Несмотря на то, что китайские рынки позволяли в сложных условиях перехода к рыночной экономике обеспечить население доступными товарами, власти в начале 2000-х годов предприняли ряд энергичных мер для

повышения качества управления в сфере миграции. Вызвано это было сложным комплексом факторов. К началу 2000-х годов значительно возрос объем трудовой и торговой миграции из Центральной Азии, что требовало выработки более эффективных практик регулирования. Поэтому государством наращивались усилия по борьбе с нелегальной миграцией и связанными с ней отраслями теневой экономики. Так в 2000 году принято решение об упразднении Федеральной миграционной службы (ФМС), а ее функционал временно передали Минфедерации России, и только в 2002 году миграционную службу вновь возрождают, но уже в структуре МВД, см.: [Мукомель, 2005]. В рамках этой линии по управлению миграцией из центральной части города в 2000 году перенесли на окраину китайский рынок в Челябинске, в 2006 году в Иркутске закрыли знаковый китайский рынок «Шанхай», в 2009 году в Москве прекращают деятельность Черкизовского рынка, ставшего к тому моменту одной из городских легенд.

Настойчивые попытки российских властей «навести порядок» в сфере миграции и розничной торговли привели в 2007 году к введению допустимой доли иностранных работников, занятых в сфере торговли [Михайлова и др., 2008]. В силу того, что эти экономические отношения практически полностью происходили в неформальном поле, мы не располагаем достоверными количественными данными о мигрантском присутствии на крупных рынках. По данным ФМС, выходцы из КНР и Вьетнама в основном были заняты в сфере доставки и продажи товаров на вещевых рынках. Меры, принятые правительством России с целью ограничения позиций иностранных граждан в сфере торговли, привели к тому, что численность китайцев в сфере торговли сократилась со 101 тыс. до 96 тыс., вьетнамцев — с 72 тыс. до 62 тыс. Однако в целом представительство иностранцев на рынках оставалось довольно значительным (в общей сложности 403 тыс.) [ГАРФ, ф. 10349, оп. 1, д. 261, л. 69—70].

Частично прояснить картину на региональном уровне помогают архивные документы, отложившиеся в ходе специальных проверок. Так, на 187 рынках области (69 в областном центре) до введения запрета осуществляли торговую деятельность 4316 иностранных граждан. Из них граждан КНР — 1290, Таджикистана — 1011, Узбекистана — 729, Казахстана — 537, Кыргызстана — 393, Азербайджана — 166, Армении — 103, Вьетнама — 87 [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 46, л. 192]. Основными местами их концентрации являлись «Китайский рынок», «Восточный город» и «Каширинский рынок» в Челябинске.

После введения ограничений китайцы вынужденно покидали территорию России. К весне 2007 года из Челябинской области выехало свыше 1 тыс. китайских предпринимателей, ранее связанных с торговлей на рын-

ках [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 46, л. 197]. Многие спешно переориентировались на участие в производстве сельскохозяйственной продукции, находили возможность для сохранения своего бизнеса через фиктивное оформление на граждан РФ или уход в серую зону. Стоит сказать о том, что к моменту введения рестрикций существенная часть челноков уже накопила необходимый капитал и покинула Челябинск.

Важную роль в сокращении численности китайских торговцев сыграло налаживание новых логистических цепочек между Россией и КНР. Здесь сказались негативные эффекты мирового финансового кризиса 2008. Нельзя забывать и о продолжении курса российских властей на постепенное сокращение деятельности «китайских» рынков. В 2009 году, как уже было сказано выше, ликвидировали Черкизовский рынок — один из крупнейших подобных объектов на территории России. По данным китайской стороны, эта мера нанесла тяжелейший удар по бизнесу примерно 50 тыс. граждан КНР, живших в Москве [Александрова, 2010; Zabyelina, 2012]. Резко сократились потоки китайских товаров, ранее ввозившихся через так называемые «серые» таможенные схемы.

После 2010 года китайцы практически исчезли с рынков. Деятельность продолжили только наиболее крупные оптовики. Постепенно место китайцев на рынках занимали выходцы из Центральной Азии, в основном мигранты из Таджикистана и Кыргызстана. Одной из важных сфер занятости кыргызских мигрантов являлось посредничество в доставке и распространении китайских товаров, поскольку существенная их часть так или иначе следовала через территорию Кыргызстана [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 102].

Если говорить о Магнитогорске, то к моменту проведения авторами полевых исследований на одном из наиболее крупных рынков — «Восточный базар» и Центральная ярмарка — сохранилось сообщество вьетнамских торговцев численностью до ста человек, поскольку многие вернулись на родину или переехали в Москву, Уфу и др. российские города. По данным ФМС, в 2009 году в Челябинской области на основании вида на жительство находилось 800 иностранных граждан, из них порядка 190 вьетнамцев. Кроме того, разрешение на временное проживание имели еще 269 граждан Вьетнама [ГАРФ, ф. 10349, оп. 1, д. 263, л. 58]. К этим данным можно прибавить еще несколько сотен человек, статус которых не был урегулирован официально. Как удалось установить, значительная их часть вела предпринимательскую деятельность на рынках в Магнитогорске, где занимала несколько этажей в общежитиях, расположенных поблизости от крупных рынков. В целом до пандемии коронавируса в Магнитогорске осуществляли предпринимательскую деятельность порядка 500 граждан

Вьетнама, что вполне соответствует статистике, зафиксированной ФМС [Авдашкин, 2024, с. 48].

В Челябинске «Китайский» рынок продолжил оставаться одним из эпицентров активности китайской общины, сложившейся в городе. Большинство китайских студентов, обучающихся в Южно-Уральском государственном университете, поддерживали прочные связи с торговцами на рынке, посещали китайские столовые, торговые точки. На рынке долгое время действовала возможность обмена валюты (рубль — юань). На территории рынка по сей день действуют две парикмахерских, ориентированные на «стрижку азиатского волоса». Крупные китайские оптовики, работающие на рынке уже около двадцати лет, собираются в кафе для празднования китайского нового года. Отдельную группу китайских мигрантов, о которой речь пойдет ниже, составили китайские предприниматели, вложившие средства в развитие тепличных хозяйств после вытеснения иностранных граждан с рынков.

3.3. Переориентация китайской миграции в сельские районы Южного Урала (2008—2014 годы)

Начиная с 2008 года китайские теплицы начали стремительно наращивать свои площади, хотя и ускользали от контроля со стороны местных властей. По сведениям регионального управления ФСБ, после введения запретов на осуществление торговой деятельности для иностранных граждан интересы многих китайских предпринимателей сместились в сельскохозяйственный сектор, где за счет увеличения площади арендуемых сельскохозяйственных угодий при минимальных вложениях удавалось добиваться высокой прибыли [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 101—102]. Так в 2010—2014 годы только по официальным данным численность граждан КНР оценивалась в 4—5 тыс [Там же, л. 102]. В 2014 году Челябинская область входила в перечень российских регионов с наибольшим количеством трудовых мигрантов из КНР, официально зарегистрированных для осуществления трудовой деятельности [Рязанцев и др., 2015, с. 7]. Анализ архивных документов показал, что подавляющее большинство занималось организацией тепличных комплексов. В эти же годы такие теплицы для выращивания огурцов и помидоров достигали максимальных площадей, что привело к образованию в ряде муниципальных районов общежитий для китайских овощеводов, прибывавших из наиболее бедных районов северного Китая [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 102].

По данным ФМС, в 2010 году разрешения на работу в хозяйствах области получили 1467 китайских граждан (табл. 1). Однако реальная численность была существенно выше. Так, по данным министерства сельского хозяйства Челябинской области, количество граждан КНР, занятых

Таблица 1

Официальные данные о численности граждан КНР,
привлеченных хозяйствами Челябинской области в 1998 и 2010 годах *

Территории	1998 год	2010 год
Челябинск	Нет данных	456
Магнитогорск	40	Нет данных
Красноармейский р-он	101	327
Аргаяшский р-он	66	235
Сосновский	149	92
Анаповский р-он	115	84
Копейск	Нет данных	28
Саткинский р-он	Нет данных	27
Каслинский р-он	Нет данных	23
Верхнеуральский	59	50
Миасс	35	12
Чебаркульский р-он	Нет данных	10
Еткульский р-он	54	Нет данных

* Составлено авторами по: [ОГАЧО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 28, л. 6; ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 19—20].

в тепличных хозяйствах, доходило до 1985 чел. [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 29]. В документах совещаний по проблеме миграции регулярно подчеркивалось, что ситуация с привлечением китайских граждан в аграрный сектор требует постоянного контроля и проверок пребывания иностранцев, применения ими удобрений, организации полива, соблюдения санитарных норм проживания и организации питания [Там же, л. 29—30]. Кроме того, большинство иностранных граждан не проходили при трудоустройстве медицинскую комиссию [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 73, л. 44].

Важным фактором, который способствовал негативному восприятию деятельности граждан КНР в сельскохозяйственном секторе региона, служила активная работа так называемых перекупщиков. В связи с частым выявлением фактов недобросовестной конкуренции на рынке компании, привлекавшие китайский капитал и рабочую силу, часто попадали в сферу интересов надзорных органов. Собранный урожай скупался фактически за бесценок, часто с применением различных форм давления, а потом реализовывался населению по рыночной цене [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 103]. Происходили многочисленные нападения на тепличные хозяйства и отъем выручки. Некоторые факты грабежа тепличных хозяйств нашли отражение в материалах электронных медиа.

После 2014 года большинство «китайских» теплиц в Челябинской практически исчезли или площади, занятые под тепличными комплексы, значительно сократились. В данном случае важно учитывать изменения макроэкономического контекста. Дело в том, что китайские крестьяне приезжали в сельскую местность российских регионов на сезонную работу из приграничных уездов провинции Хэйлунцзян, где безработица заметно сокращалась, к тому же у населения появлялись новые возможности для заработка в южных провинциях Китая. Причем китайские мигранты, работавшие сезонно в сельском хозяйстве, тратили заработанные деньги в Китае. Но колебания курсов национальных валют привели к резкому падению доходов, а значит, к сокращению трудовой миграции, поскольку требовалось повышать заработную плату или искать иные трудовые ресурсы.

4. Заключение = Conclusions

Исследование, казалось бы, локальных случаев миграций из Азии плотно связано с более широкими историческими контекстами. Сообщества китайских и вьетнамских мигрантов в своем развитии прошли несколько стадий. В 1990-е годы происходил быстрый рост численности за счет наращивания способов доставки и торговли товарами массового потребления. После того, как вмешательство государства в сферу мобильности и функционирование розничных рынков стало более настойчивым, в особенности в 2007—2008 годы, сложились более или менее стабильные группы крупных оптовиков и преуспевших предпринимателей, которые остались на постоянное проживание и (или) искали новые источники дохода, в том числе активно инвестируя в сельское хозяйство. Так, на несколько лет миграция граждан КНР сместилась преимущественно в сельскую местность и способствовала появлению китайских теплиц вместо китайских рынков, сложилась разветвленная система набора жителей бедных районов провинции Хэйлунцзян для работы на полях Челябинской области.

Судя по всему, на этом закончился длительный этап трудовой и предпринимательской миграции уроженцев Китая и Вьетнама на Южный Урал. После 2014 года она уже практически полностью определяется выходцами из других районов Азии, в данном случае Центральной (Таджикистан, в меньшей степени Узбекистан и Кыргызстан). Всякий раз, несмотря на осложнение экономической ситуации и введение новых мер контроля со стороны государства, мигранты вырабатывали стратегии для адаптации, меняли сферы деятельности с рыночной торговли на овощеводство. Несколько волн китайской и вьетнамской миграции привели к созданию и развитию в Челябинске и Магнитогорске специфичной инфраструктуры, ориентированной на потребности граждан КНР и Вьетнама. Это доставка

и распространение товаров в 1990-е годы, прочные связи со страной исхода, места компактного расселения вблизи от рабочих мест на рынках и теплицах, заведения национальной кухни и др.

Формат представленной рукописи не позволил осветить ряд важных исследовательских вопросов: почему в одних постсоветских городах сложились китайские рынки, а в других вьетнамские; каков механизм формирования указанных объектов, каким образом уральские регионы в последние три десятилетия встраивались в процессы китайской и вьетнамской миграции. Кроме того, в научный оборот в перспективе планируется ввести больше материалов устной истории, выстроить и осмыслить биографические траектории различных групп мигрантов из стран Азии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 261 ; Д. 263.
2. *Из Китая* — с сахаром // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1992. — 4 марта. — С. 1.
3. *Китайцы* просыпаются рано, но и наши не дремлют // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1993. — 21 июня. — С. 1.
4. *Мафия* из Поднебесной // Челябинский рабочий : [газета]. — 1997. — 30 октября. — С. 1.
5. ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 12, 23, 33, 47, 59, 75, 80 ; Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 28 ; Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 104 ; Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 46, 73, 85,
6. *Селябинска* осень харасо? Китайские проблемы областного центра // Челябинский рабочий : [газета]. — 1994. — 9 августа. — С. 1—3.
7. *Фальшивые* паспорта // Челябинский рабочий : [газета]. — 1996. — 28 мая. — С. 1.
8. *Чио-Чио-Сан*, я хочу быть с тобой... // Челябинский рабочий : [газета]. — 1998. — 8 октября. — С. 4.
9. *Шанхаю* жить по закону // Челябинский рабочий : [газета]. — 1994. — 18 августа. — С. 1.

Литература

1. *Авдашкин А. А.* В поисках районов концентрации китайцев в российском городе / А. А. Авдашкин // Этнография. — 2023. — № 2. — С. 215—239. — DOI: 10.31250/2618-8600-2023-2(20)-215-239.
2. *Авдашкин А. А.* Вьетнамский рынок в постсоветском городе : история, социальные границы и инфраструктура (на примере Магнитогорска) / А. А. Авдашкин // Журнал фронтирных исследований. — 2024. — Т. 9. — № 1 (33). — С. 36—59. — DOI: 10.46539/jfs.v9i1.540.

3. *Александрова М.* Закрытие «Большого рынка», или уход от «серых таможенных схем» / М. Александрова // Проблемы Дальнего Востока. — 2010. — № 4. — С. 65—75.
4. *Баранова В.* Видимо-невидимо : миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга / В. Баранова, К. Федорова // Laboratorium : журнал социальных исследований. — 2020. — № 1. — С. 48—80. — DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80.
5. *Вьетнамская* диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений / С. В. Рязанцев, А. Ле Дык, Х. Фунг Хай, Е. М. Моисеева // Вьетнамские исследования : электронный научный журнал. — 2022. — Т. 6. — № 3. — С. 34—45. — DOI: 10.54631/VS.2022.63-106318.
6. *Григоричев К. В.* «Китайские» рынки России : роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) / К. В. Григоричев, В. И. Дятлов // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 419. — С. 121—132. — DOI: 10.17223/15617793/419/16.
7. *Григоричев К. В.* «Неправильные» китайцы и «захваченный» город : оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим / К. В. Григоричев // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — № 4. — С. 593—608. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-593-608
8. *Дятлов В. И.* «Китайские рынки» российских городов — «Уходящая натура»? / В. И. Дятлов // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. — 2008а. — № 1. — С. 20—30.
9. *Дятлов В. И.* Россия. В предчувствии чайнатаунов / В. И. Дятлов // Этнографическое обозрение. — 2008б. — № 4. — С. 6—16.
10. *Дятлов В. И.* «Этнические рынки» — мигрантские локальности в постсоветском городском пространстве / В. И. Дятлов // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — № 4. — С. 577—592. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592.
11. *Ивлева И. В.* Уличная экономика в повседневности переходного периода : торговцы и рынки в Санкт-Петербурге и Ленинградской области / И. В. Ивлева. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-288-05060-2.
12. *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. / М. С. Каменских. — Санкт-Петербург : Мамагов, 2011. — 350 с. — ISBN 978-5-91076-046-6.
13. *Ларин А. Г.* Китайская диаспора в России / А. Г. Ларин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 65—82. — DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82.
14. *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России : история и современность / А. Г. Ларин. — Москва : Восточная книга, 2009. — 511 с. — ISBN 978-5-7873-0493-0.
15. *Малахов В. С.* От сообществ к пространству : исследуя изменения городской среды под влиянием миграций / В. С. Малахов // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — № 4. — С. 561—576. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-561-576.
16. *Мигранты* в российских городах : расселение, концентрация, интеграция / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева. — Москва : Дело, 2021. — 226 с. — ISBN 978-5-85006-321-4.
17. *Михайлова Е.* Мигранты в розничной торговле: эффект запретов / Е. Михайлова, Е. Тюрюканова // Миграционное законодательство Российской Федерации : правоприменительная практика / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой и В. Школьников. — Москва : АдамантЪ, 2008. — С. 237—266.
18. *Мукомель В. И.* Миграционная политика России : Постсоветские контексты / В. И. Мукомель. — Москва : Диполь-Т, 2005. — 351 с. — ISBN 5-901144-15-5.

19. Нам И. В. Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске / И. В. Нам // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 5. — С. 33—43.
20. Рыжова Н. П. Благовещенск : в поисках «Чайна-тауна» / Н. П. Рыжова // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 4. — С. 17—31.
21. Рязанцев С. В. Китайские трудовые мигранты на российском рынке труда / С. В. Рязанцев, Цюньлань У // Научное обозрение. Серия 1 : Экономика и право. — 2015. — № 6. — С. 5—11.
22. Соколов А. Вьетнамцы в России : история миграций и диаспоры / А. Соколов // Восток на Востоке, в России и на Западе : Трансграничные миграции и диаспоры / ред. В. С. Панарин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. — С. 145—158. — ISBN 978-5-4469-0883-7.
23. Степанов В. В. Китайцы в России / В. В. Степанов // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. — Москва : ИЭА РАН, 2018. — С. 417—436. — ISBN 978-5-4211-0205-2.
24. Hannam K. Editorial : Mobilities, Immobilities and Moorings / K. Hannam, M. Sheller, J. Urry // Mobilities. — 2006. — Vol. 1. — Iss. 1. — Pp. 1—22. — DOI: 10.1080/17450100500489189.
25. Lefebvre H. Writing on City / H. Lefebvre. — Oxford : Blackwell, 2000. — 272 p.
26. Zabyelina Y. Costs and benefits of informal economy : Shuttle trade and crime at Cherkizovsky market / Y. Zabyelina // Global Crime. — 2012. — Vol. 13. — Iss. 2. — Pp. 95—108. — DOI: 10.1080/17440572.2012.674185.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023,
одобрена после рецензирования 07.09.2024,
подготовлена к публикации 10.09.2024.

Material resources

- Cio-Cio-San, I want to be with you ... (1998). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. October 8. P. 4. (In Russ.).
- Fake passports. (1996). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. May 28. P. 1. (In Russ.).
- From China — with sugar. (1992). In: *Evening Chelyabinsk: [newspaper]*. March 4. P. 1. (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).
- Mafia from China. (1997). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. October 30. P. 1. (In Russ.).
- OGACHO — *United State Archive of the Chelyabinsk region*. (In Russ.).
- Selyabinsk autumn kharaso? Chinese problems of the regional center. (1994). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. August 9. 1—3. (In Russ.).
- Shanghai to live by the law. (1994). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. August 18. P. 1. (In Russ.).
- The Chinese wake up early, but our people do not doze off either. (1993). In: *Evening Chelyabinsk: [newspaper]*. June 21. P. 1. (In Russ.).

References

- Alexandrova, M. (2010). The closure of the “Big Market”, or the departure from the “gray customs schemes”. *Problems of the Far East*, 4: 65—75. (In Russ.).
- Avdashkin, A. A. (2023). In search of areas of concentration of Chinese in a Russian city. *Ethnography*, 2: 215—239. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-2(20)-215-239. (In Russ.).

- Avdashkin, A. A. (2024). The Vietnamese market in a post-Soviet city: history, social boundaries and infrastructure (on the example of Magnitogorsk). *Journal of Frontier Studies*, 9 / 1 (33): 36—59. DOI: 10.46539/jfs.v9i1.540. (In Russ.).
- Baranova, V., Fedorova, K. (2020). Visibly-invisibly: migration and transformation of the linguistic landscape of St. Petersburg. *Laboratory: Journal of Social Research*, 1: 48—80. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (2008a). “Chinese markets” of Russian cities — “Outgoing nature”? *Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, 1: 20—30. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (2008b). Russia. In anticipation of Chinatowns. *Ethnographic review*, 4: 6—16. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (2020). “Ethnic markets” — migrant localities in the post-Soviet urban space. *Journal of Social Policy Research*, 9: 577—592. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592. (In Russ.).
- Grigoriev, K. V., Fedorova, V. I. (2017). “Chinese” markets of Russia: the role in post-socialist transformation (the case of Irkutsk). *Bulletin of Tomsk State University*, 419: 121—132. DOI: 10.17223/15617793/419/16. (In Russ.).
- Grigoriev, K. V. (2020). “Wrong” Chinese and the “captured” city: challenging urban space as the development of practices of interaction with another. *Journal of Social Policy Research*, 4: 593—608. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-593-608. (In Russ.).
- Hannam, K., Sheller, M., Urry, J. (2006). Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, 1 (1): 1—22. DOI: 10.1080/17450100500489189.
- Ivleva, I. V. (2010). *Street economy in the everyday life of the transition period: merchants and markets in St. Petersburg and the Leningrad region*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-288-05060-2. (In Russ.).
- Kamenskikh, M. S. (2011). *The Chinese in the Middle Urals at the end of the XIX — beginning of the XXI century*. St. Petersburg: Mamatov. 350 p. ISBN 978-5-91076-046-6. (In Russ.).
- Larin, A. G. (2009). *Chinese migrants in Russia: history and modernity*. Moscow: Vostochnaya kniga. 511 p. ISBN 978-5-7873-0493-0. (In Russ.).
- Larin, A. G. (2017). The Chinese Diaspora in Russia. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 5: 65—82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82. (In Russ.).
- Lefebvre, H. (2000). *Writing on City*. Oxford: Blackwell. 272 p.
- Malakhov, V. S. (2020). From communities to space: exploring changes in the urban environment under the influence of migration. *Journal of Social Policy Research*, 4: 561—576. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-561-576. (In Russ.).
- Mikhaylova, E., Tyuryukanova, E. (2008). Migrants in retail trade: the effect of prohibitions. In: *Migration legislation of the Russian Federation: law enforcement practice*. Moscow: Adamant. 237—266. (In Russ.).
- Mukomel, V. I. (2005). *Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts*. Moscow: Dipol-T. 351 p. ISBN 5-901144-15-5. (In Russ.).
- Nam, I. V. (2015). New ethnic groups (diasporas) in Tomsk. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 5: 33—43. (In Russ.).
- Ryazantsev, S. V., Ciyunlan Wu. (2015). Chinese labor migrants on the Russian labor market. *Scientific review. Series 1: Economics and Law*, 6: 5—11. (In Russ.).
- Ryazantsev, S. V., Le Duc, A., Fung Hai, H., Moiseeva, E. M. (2022). The Vietnamese diaspora in Russia and its contribution to the development of bilateral relations. *Vietnamese*

- studies: electronic scientific journal*, 6 (3): 34—45. DOI: 10.54631/VS.2022.63-106318. (In Russ.).
- Ryzhova, N. P. (2008). Blagoveshchensk: in search of “Chinatown”. *Ethnographic review*, 4: 17—31. (In Russ.).
- Sokolov, A. (2016). Vietnamese in Russia: the history of migrations and diaspora. In: *East in the East, in Russia and in the West: Cross-border migrations and diasporas*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 145—158. ISBN 978-5-4469-0883-7. (In Russ.).
- Stepanov, V. V. (2018). Chinese in Russia. In: *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow: IEA RAS. 417—436. ISBN 978-5-4211-0205-2. (In Russ.).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Ivanova, N. S., Andreeva, A. S. (2021). *Migrants in Russian cities : settlement, concentration, integration*. Moscow: Delo. 226 p. ISBN 978-5-85006-321-4. (In Russ.).
- Zabyelina, Y. (2012). Costs and benefits of informal economy: Shuttle trade and crime at Cherkizovsky market. *Global Crime*, 13 (2): 95—108. DOI: 10.1080/17440572.2012.674185.

*The article was submitted 02.08.2023;
approved after reviewing 07.09.2024;
accepted for publication 10.09.2024.*